

УДК 070: 94(470)Чехов

А. И. Станько, О. И. Лепилкина

А. П. ЧЕХОВ-ПУБЛИЦИСТ О СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ

Значительное место в газетно-журнальном творчестве А. П. Чехова 1880–1890-х гг. занимают вопросы причин и психологических мотивов преступлений, процессуальных нарушений судопроизводства, бесчеловечных условий существования каторги и ссылки. Отличительной особенностью чеховских произведений этой проблематики является, наряду с художественными картинками происходящего, прямая авторская оценка сущности явлений, касающихся системы наказаний в России. Один из важных выводов автора – «наказание очень часто приносит гораздо больше зла, чем само преступление». В ранних рассказах Чехова неоднократно повторялась мысль о безнравственности смертной казни и пожизненного заключения. Антигуманности и нецелесообразности этих мер наказания публицист посвятил отдельную главу в цикле «Из Сибири».

Наиболее ярко эта проблема нашла отражение в художественно-публицистической книге очерков «Остров Сахалин», где слово «наказание» и производные от него слова использованы 110 раз и присутствуют в названиях глав, что подчеркивает значимость этой темы для автора. Чехов показал, как губительно сказывается система наказания на каторге и на заключенных, и на тюремщиках.

В целом, публицистическое творчество Чехова 1880–1890-х гг. явилось своеобразной энциклопедией художника-гуманиста, обличающей всю совокупность жестоких карательных мер, направленных на унижение и несправедливость человеческой личности.

Ключевые слова: А. П. Чехов, публицистика, «Остров Сахалин», цикл «Из Сибири».

A. I. Stan'ko, O. I. Lepilkina

A. CHEKHOV – THE PUBLICIST ON RUSSIAN PENAL SYSTEM

Such issues as causes and psychological motives of the crime, legal proceedings procedural violations, inhuman conditions of the hard labor and exile played a significant role in the composition of A. Chekhov's newspapers and magazines materials. The distinctive feature of Chekhov's works of the indicated problematics is the direct author's assessment of the phenomena nature relating to the system of penalties in Russia along with artistic pictures of what was happening. One of the important conclusions made by the author was that «punishment very often brings much more evil than the crime itself». In the early stories of Chekhov, the idea of immorality of the death penalty and life imprisonment was repeated time and again. A separate chapter in the cycle «From Siberia» was devoted to the inhumanity and the impracticability of these penalties.

The problem was most clearly reflected in the artistic and publicist essay book of «The Sakhalin island», where the word «punishment» and its derivatives were used 110 times and were present in the titles of chapters emphasizing the importance of this topic for the author. Chekhov described how disastrously the punishment of the galley affects both the prisoners and the jailers.

In general, the publicistic writings by Chekhov of the 1880–1890s were the encyclopedia of the artist and the humanist, which strongly criticized the whole aggregate of brutal punitive measures aimed at humiliation and the lack of rights for the individual.

Key words: A. P. Chekhov, publicism, «The Sakhalin island», cycle «From Siberia».

Историко-журналистская наука накопила большой объем знаний о Чехове-публицисте [1, 3, 5 и др.]. Закономерным представляется основной вывод, к которому приходят ученые, что публицистическое наследие Чехова – это своего рода вклад в становление социальной журналистики в России в XIX в.

Немалое место в его творчестве занимает тема наказания, выросшая из детских впечатлений автора, вспоминавшего ту пору жизни как каторгу [см. подробнее: 8].

В раннем газетно-журнальном творчестве Чехова 1880–90-х гг. вопросы причин и психологических мотивов преступлений, процессу-

альных нарушений судопроизводства, бесчеловечных условий существования каторги и ссылки занимают значительное место. Отличительной особенностью чеховских произведений является, наряду с художественными картинами происходящего, прямая авторская оценка сущности явлений, касающихся системы наказаний в России. Голос автора не разрушает художественной ткани описания события и придает повествованию глубокий социальный смысл.

В 1887 г. вышел в свет сборник чеховских рассказов «В сумерках», где тема преступления и наказания присутствует, начиная с первой страницы. Герой рассказа «Мечты» – бежавший с каторги бродяга, наказанный за преступление, которого он не совершал (мать «по нечаянности барину заместо соды и кислоты мышьяку в стакан» [9, с. 11] насыпала, а он поднес), и вспоминающий каторгу как «сущий ад, такой ад, что и не приведи царица небесная» [9, с. 12]. Бродяга смирился со своей судьбой и мечтает о поселении в Восточной Сибири, однако его мечтам о «привольной» жизни противоречат «картины ясные, отчетливые и более страшные»: «Перед ним живо вырастают судебная волокита, пересыльные и каторжные тюрьмы, арестантские бараки, томительные остановки на пути, студеные зимы, болезни, смерти товарищей» [9, с. 16].

В рассказе «В суде» Чехов описывает заседание окружного суда, на котором слушается дело крестьянина, убившего жену, а среди конвоиров оказывается сын подсудимого. Передавая «машинное бесстрашие» и «канцелярское равнодушие» служителей фемиды, Чехов резюмирует: «Судили его не живые люди, а какая-то невидимая, бог знает кем заведенная машинка» [9, с. 96].

Название рассказа «Дома», помещенного в чеховский сборник «В сумерках», и незамысловатый сюжет не предполагают, на первый взгляд, масштабных социальных выводов. Прокурор окружного суда ведет долгую назидательную беседу с семилетним сыном, который попробовал покурить. Добиться успеха ему помогла только простая сказка, которую он рассказал сыну. Вывод автора таков: «Наказание очень часто приносит гораздо больше зла, чем само преступление» [9, с. 42].

В 1888 г., после выхода сборника «В сумерках», Чехов написал рассказ «Пари», сюжет которого имеет бытовую основу. Молодой юрист заключил пари с банкиром на 2 миллиона, соглашаясь выдержать 15 лет заточения. Спор касался отношения персонажей к крайним ме-

рам наказания. Чеховская мысль, подводящая итог повествования, неоднократно повторялась в других его произведениях: «И смертная казнь, и пожизненное заключение одинаково безнравственны» [11, т. 7, с. 229].

Ранние чеховские рассказы, опубликованные под рубрикой «Фельетон» в газетах и журналах, в известной мере продолжали традиции русской классической литературы и публицистики. В частности, наличие авторской моральной оценки происходящего после описания события сближает эпилог короткого чеховского рассказа с итоговыми нравоучениями басни, а сам факт присутствия авторских публицистических обобщений в тексте повествования имеет некоторое сходство с лирическими отступлениями в произведениях русских писателей и публицистов.

Вместе с тем тематика и проблематика ранних чеховских рассказов явились предвестниками к постановке проблемы обличения системы наказаний в России в широком художественно-публицистическом полотно – в очерках «Остров Сахалин». В марте 1890 г. Чехов писал А. С. Суворину, издателю газеты «Новое время», с корреспондентским билетом которой Чехов осуществил задуманное путешествие: «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски» [10, т. 4, с. 32]. По его словам, «Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи и теперь решают» [10, т. 4, с. 32]. Таким образом, отправляясь на каторжный остров, писатель четко представлял цель поездки и осознавал миссию обличения того строя, при котором стал возможным остров смерти, как называли в ту пору Сахалин.

Во время двухмесячного путешествия по Сибири на Сахалин Чехов, по его словам, вел отчаянную борьбу с холодом, с разливами рек, невылазной грязью, с «голодухой», с желанием спать и размышлял над причиной, которая подвигла его на этот гражданский подвиг. В путевых заметках «Из Сибири» он заявил: «В нашем русском законодательстве, сравнительно гуманном, высшие наказания, и уголовные и исправительные, почти все пожизненные» [11, т. 14–15, с. 25].

Вся седьмая глава сибирских очерков представляет собой своеобразный трактат на тему применения высшей меры наказания и пожизненного заключения, которые Чехов признает антигуманными и нецелесообразными: «Ча-

сто употребляемое выражение, что смертная казнь применяется теперь только в исключительных случаях, не совсем точно; все высшие карательные меры, которые заменили смертную казнь, все-таки продолжают носить самый важный и существенный признак ее, а именно – пожизненность, вечность, и у всех у них есть цель, унаследованная ими от смертной казни, – удаление преступника из нормальной человеческой среды *навсегда*, и человек, совершивший тяжкое преступление, умирает для общества, в котором он родился и вырос, так же как во времена господства смертной казни» [11, т. 14–15, с. 25].

Размышляя о смертной казни, Чехов-публицист рассматривает различные аспекты темы наказания за преступления. Он характеризует каторжные работы, ссылку на поселение, арестантские роты, лишение прав в том же ключе – как пожизненность наказания. По его словам, литература на эту тему малочисленна, «точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги» [11, т. 14–15, с. 26]. Существующее отношение к заключенному, томлящемуся в ссылке, считает он, неприемлемо «в христианском государстве и в христианской литературе». В числе причин бедственного положения каторжан и ссыльных Чехов называет несовершенство судопроизводства, которое обрекает преступников в ссылку, не имея представления о ней; судья «только судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно, неинтересно и не входит в круг его компетенции: это уж дело конвойных и тюремных смотрителей с красными носами» [11, т. 14–15, с. 26].

В этом своеобразном трактате-размышлении Чехова о смертной казни присутствует личностное восприятие высшей меры наказания, свидетельствующее о глубоком психологическом проникновении публициста в судьбы отверженных. Он пишет с акцентом на местоимениях «меня», «мои»: «Все высшие карательные меры не дают преступнику вечного успокоения в могиле, именно того, что могло бы мирить мое чувство со смертной казнью, а с другой стороны, пожизненность, сознание того, что надежда на лучшее невозможна, что во *мне* гражданин умер навеки и что никакие *мои* личные усилия не воскресят его во мне, позволяют думать, что смертная казнь в Европе и у нас не отменена» (курсив наш – А. С., О. Л.) [11, т. 14–15, с. 25].

Размышление о смертной казни вроде бы оптимистично: автор убежден, что «через 50–100 лет на пожизненность наших наказаний бу-

дут смотреть с тем же недоумением и чувством неловкости, с каким мы теперь смотрим на рвание ноздрей или лишение пальца на левой руке» [11, т. 14–15, с. 25]. Но, с другой стороны, в следующем же предложении он утверждает: «мы совершенно не в силах помочь беде» [11, т. 14–15, с. 25].

С такими мыслями Чехов прибыл на остров, который, наряду с Нерчинской каторжной тюрьмой, современники считали «двумя главными центрами <...> нынешнего каторжного строя» [2, с. 3]. Исследователи подчеркивают значимость этого места для самого Чехова, который свое кругосветное путешествие именвал поездкой на Сахалин [6]. Здесь он стал свидетелем применения системы наказаний, о которых писал в ранних рассказах и в сибирском трактате-размышлении о смертной казни. Главное его впечатление выражено в письмах. Вскоре после возвращения из поездки он писал А. С. Суворину: «Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом» [10, т. 4, с. 139]. Аналогично Чехов выразился и в письме очеркисту И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «Я был и в аду, каким представляется Сахалин...» [10, т. 4, с. 143]. Эта формула, по мысли одного из исследователей «Острова Сахалина», обусловила чеховскую «стратегию маргинализации, сдвига описываемого на пространственную (самая далекая окраина империи), социальную (каторга как отвержение обществом) и нравственную (предел человеческих возможностей, распад) «изнанку». В повествовательном плане маргинализация реализовалась через доминирующий в книге прием исключения, когда характеристика любой ситуации, предмета, явления или персонажа дается не с позитивной стороны, вскрывающей его самостоятельный экзистенциальный смысл (как его восприняли бы сами сахалинцы), а как отклонение от некоей нормы, известной рассказчику по его прежнему (цивилизованному и русскому) опыту» [4, с. 290–291].

Структурной основой сахалинского повествования становится документальный факт и его авторская оценка, раскрывающая философскую сущность явления. Для исследования ситуации публицист использовал перепись населения с помощью карточек, в которых, как отмечают исследователи, «отсутствовала графа о совершенном преступлении. Это не было случайным и свидетельствовало лишь об одном: в данном случае писателя интересовало только наказание, т.е. вся исправительная система, которая бытовала на Сахалине» [7, с. 12].

Количественный анализ показал, что в книге слово «наказание» и производные от него слова («наказать», «наказан», «наказанный» и т.д.) использовано 110 раз, что подчеркивает значимость этой темы для автора. Система наказаний присутствует также в названиях глав сахалинских очерков, например, в главе XXI: «Наказания. – Розги и плети. – Смертная казнь».

В указанной главе Чехов свидетельствует: «Розги, плети, прикование к тележке – наказания, позорящие личность преступника, причиняющие его телу боль и мучения, – применяются здесь широко» [11, т. 14–15, с. 332]. Далее автор описывает наказание плетью бродяги Прохорова в Дуэ за побег из тюрьмы. Чехов подробно передает психологическое состояние человека, который во время истязания точно в бреду мычит и хрипит, когда его кожа лопается от каждого удара плетью. Чехов не в силах наблюдать экзекуцию, его заключение по поводу происходящего таково: «От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании» [11, т. 14–15, с. 338].

Чиновники, охарактеризованные Чеховым-социологом как особая группа сахалинского населения, предстают в очерках как смесь Держиморды и Яго, двуличные господа, в общении с вышестоящими демонстрирующие интеллигентность, а по отношению к низшим использующие исключительно брань и кулаки. Чехов приводит показательный документальный факт: с каторжанином Золотаревым чиновники кутили и играли в карты, и жена каторжанина выговаривала ему, что он «водит компанию с людьми, которые могут дурно влиять на его нравственность» [11, т. 14–15, с. 319]. Подобным высказыванием автор передает обобщенное отношение к явлению.

Портрет одного из наиболее ярких тюремных администраторов, некоего майора Николаева, приведенный Чеховым в качестве наглядного экскурса в прошлое, включает его речевую характеристику и описание бесчеловечных по-

ступков по отношению к заключенным: он сажал в бочки провинившихся и приказывал катать их по берегу, заранее предупреждая, что те не останутся в живых.

Обычаи, заведенные на каторжном острове, побуждают Чехова сопоставить их с крепостническими порядками недавнего прошлого: отдачу каторжных в услужение частным лицам он называет подлинным крепостничеством; положение каторжанок, находящихся на содержании, автор оценивает как пример «в высшей степени унижительного для человеческого достоинства» [11, т. 14–15, с. 98].

Документальная основа сахалинских очерков отражена также в своеобразной инфографике, которая дает представление о том, в каком возрасте и по какой причине умирают каторжане. Приведенные цифры дают основание автору сделать убедительный вывод, что значительная смертность от чахотки в ссыльной колонии зависит главным образом от неблагоприятных условий жизни в общих тюремных камерах и непосильной тяжести каторжных работ, отнимающих у рабочего больше сил, чем может ему дать тюремная пища.

Представленный Чеховым в разных аспектах – нравственном, социологическом, философском – взгляд на систему наказаний в России позволяет ему сделать вывод о будущем: «Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей» [10, т. 4, с. 82]. Не природные условия – главный тормоз на пути процветания сурового края, о чем свидетельствуют чеховские слова, полные веры в грядущее: на Енисее «жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась» [11, т. 14–15, с. 35].

В целом, газетно-журнальное публицистическое творчество Чехова 1880–90-х гг. явилось своеобразной энциклопедией художника-гуманиста, обличающей всю совокупность жестоких карательных мер, направленных на унижение и бесправие человеческой личности.

Литература

1. А. П. Чехов: энциклопедия / [сост. и ред. В. Б. Катаев]. М.: Просвещение, 2011. 696 с.
2. Высочайше утвержденная особая комиссия для разработки мероприятий, вызываемых изданием нового Уголовного уложения. Журнал 1 // Тюремный вестник. 1904. №2. Приложение. С.1–24.
3. Есин Б. И. Чехов-журналист. М.: МГУ, 1977. 104 с.
4. Киселев В. С. «Русская Австралия»: маргинализация колониальных окраин в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Чехов и время: сб. статей / ред. Е. Г. Новикова. Томск: ТГУ, 2011. С. 280–294.
5. Кройчик Л. Е. Неуловимый Чехов: этюды о творчестве писателя. Воронеж: ВГУ, 2007. 248 с.
6. Новикова Е. Г. Кругосветное путешествие А. П. Чехова как поездка на Сахалин: позиция писателя // Вестник Томского государственного университета. 2012. №3 (19). С. 75–81.

7. Прокурова Н. С. Нравственно-психологические аспекты проблемы преступления и наказания в русской литературе второй половины XIX в.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Московский педагогический университет, 2000. 60 с.
8. Станько А. И. Личность и публицистика А. П. Чехова. Ростов н/Д: ЮФУ, 2009. 159 с.
9. Чехов А. П. В сумерках. Очерки и рассказы. М.: Наука, 1986. 573 с.
10. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983.
11. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1974–1982.

References

1. A. P. Chekhov: entsiklopediya / ed. By V.B. Kataev. Moscow: Prosveshchenie, 2011. 696 p. (In Russian).
2. Vysochaishe utverzhennaya osobaya komissiya dlya razrabotki meropriyati, vyzvaemykh izdaniem novogo Ugolovnogo ulozheniya. Zhurnal 1 (*The supreme approved special Commission for the development of activities arising from the publication of the new Criminal code of laws. Journal 1*) // Tyuremnyi vestnik. 1904. No. 2. Prilozhenie. P. 1–24. (In Russian).
3. Esin B. I. Chekhov-zhurnalyst (*Chekhov the journalist*). Moscow: MSU publ., 1977. 104 p. (In Russian).
4. Kiselev V. S. «Russkaya Avstraliya»: marginalizatsiya kolonial'nykh okrain v knige A. P. Chekhova «Ostrov Sakhalin» (*«The Russian Australia»: the marginalization of colonial outskirts in the book of A.P. Chekhov, «the Sakhalin Island»*) // Chekhov i vremya (Чехов и время) / ed. E. G. Novikov. Tomsk: TSU publ., 2011. P. 280–294. (In Russian).
5. Kroichik L. E. Neulovimyi Chekhov: etyudy o tvorchestve pisatelya (*Elusive Chekhov: Studies of writer's art*). Voronezh: VSU publ., 2007. 248 p. (In Russian).
6. Novikova E. G. Krugosvetnoe puteshestvie A. P. Chekhova kak poezdka na Sakhalin: pozitsiya pisatelya (*The Globe travels of A. P. Chekhov as a trip to the Sakhalin: Writer position*) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No. 3 (19). P.75 – 81. (In Russian).
7. Proкурова Н. С. Nравstvenno-psikhologicheskie aspekty problemy prestupleniya i nakazaniya v russkoi literature vtoroi poloviny XIX v. (*The moral and psychological aspects of the problem of crime and punishment in Russian literature in the second half of XIX century*): abstract of thesis. Moscow, 2000. 60 p. (In Russian).
8. Stan'ko A. I. Lichnost' i publitsistika A. P. Chekhova (*The personality and publicist activity of A.P. Chekhov*). Rostov on Don: SFU publ, 2009. 159 p. (In Russian).
9. Chekhov A. P. V sumerkakh. Ocherki i rasskazy (*At dusk. Essays and Stories*). Moscow: Nauka, 1986. 573 p. (In Russian).
10. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem (*A complete collection of essays and letters*): In 30 Vols. Pis'ma (Letters): In 12 Vols. Moscow: Nauka, 1974–1983. (In Russian).
11. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem (*A complete collection of essays and letters*): In 30 Vols. Sochineniya (Writings): In 18 Vols. Moscow: Nauka, 1974–1982. (In Russian).